

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

В статье подняты важные теоретические вопросы, имеющие отношение к содержанию двух общеправовых категорий – «реализация права» и «имплементация международного права». Обосновывается при этом тезис о принципиальном различии содержания этих категорий и подчеркивается многоаспектность содержания категории «имплементация международного права».

Ключевые слова: взаимодействие международной и национальной правовых систем, солидарное правовое регулирование, правореализующая деятельность государств, юрисдикционное пространство, санкционирование государством действия норм международного права, реализация и имплементация международного права.

Для разрешения сложных, многогранных глобальных проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке, в целях обеспечения общечеловеческих ценностей и сохранения жизни на планете Земля требуется активизация *объединенных усилий* государств – членов международного сообщества во всех областях бытия противоречивого и взаимозависимого мира. На наш взгляд, удвоение усилий государств прежде всего требуется в правовой сфере посредством осуществления *солидарного* международно-правового и внутригосударственного правового регулирования. Солидарное правовое регулирование неизбежно вызывает усиление взаимодействия международной и национальных правовых систем, что и составляет сегодня одну из закономерностей развития государственно-правовой реальности современного мира. Начало разработке общетеоретической межсистемной категории «*взаимодействие международной и национальной правовых систем*» положено В.В. Гавриловым [1]. Любая научная категория не есть нечто застывшее и неизменное в научном арсенале: по мере получения новых знаний о реальной действительности и задачах ее совершенствования должно уточняться и расширяться содержание научных категорий. Развертывание любой научной категории предполагает ее обогащение через детализацию знаний об объекте посредством разработки и уточнения категорий менее общего характера. Дальнейшее развертывание межсистемной правовой категории «*взаимодействие международной и национальной правовых систем*», полагаем, может осуществляться по разным направлениям, в зависимости от того, **что именно** из составных элементов правовой системы брать за ос-

нову научного анализа. Коль скоро конечной стадией правового регулирования является реализация права, считаем необходимым факторы осуществления права в правовой системе государств отразить в содержании таких правовых категорий, как «реализация права» и «имплементация права». Государства являются теми субъектами, которые призваны создать необходимые условия для реализации как внутригосударственного, так и международного права. Роль государства в реализации международного права по сравнению с реализацией внутригосударственного права имеет принципиальные отличия. В национальной правовой системе государство, являясь преимущественно только субъектом правотворчества, в целях осуществления внутригосударственного права должно создать всего лишь систему гарантий. В международной системе государство, будучи еще и основным субъектом реализации международного права, обязано к международно-правовому механизму правового регулирования (важнейшим элементом его является правореализующая деятельность государства) подключить свой собственный механизм. Как справедливо отмечает Г.И. Курдюков, «важен факт не только создания норм международного права, но и их последовательной реализации. На государства возлагается, – подчеркивает он, – прямая обязанность привести в движение механизм правовых норм и превратить его в постоянный регулятор поведения» [2, с. 25]. В таком случае функционирование внутригосударственного механизма правового регулирования должно быть подчинено цели осуществления правореализующей деятельности государства [3, с. 72-81]. Одним из необходимых элементов правореали-

зующей деятельности государства как субъекта реализации международного права является имплементация права.

Необходимость имплементации международного права детерминирована самостоятельностью международного и внутригосударственного права, а также самостоятельностью их юрисдикционного пространства. В каждом юрисдикционном пространстве действует особая юридическая энергия, производная от природы международного и внутригосударственного права. Именно поэтому нормы международного права, их юридические источники не могут *proprio vigore* (собственной юридической силой) действовать на территории государства без соответствующей санкции государства. В силу этого требуются со стороны государства определенные акты *правового характера по приведению их в действие на территории государства*. Акты по приведению в действие норм международного права, международных договоров на территории государства, механизм их действия охватываются в международно-правовой доктрине категорией «*имплементация международного права*». Первый разработчик категории «*имплементация международного права*» А.С. Гавердовский рассматривает имплементацию как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств» [4, с. 62]. Ценность приведенной формулировки заключается в том, что имплементация трактуется как *деятельность в целях осуществления (реализации) международно-правовых обязательств тем или иным государством*. Полагаем, из этой формулировки не следует вывод о тождественности терминов «*реализация права*» и «*имплементация*». Такая деятельность осуществляется через волю государства как субъекта реализации международного права. В процессе имплементации международного права *происходит создание условий для осуществления правовых норм, а не само их осуществление*, в силу чего имплементация носит вспомогательный характер [5, с. 12]. Встречающееся в международно-правовой доктрине отождествление терминов «*имплементация*» и «*осуществление*», на

наш взгляд, неправомерно приводит к смешению понятий «*осуществление (реализация) права*» и «*создание условий для реализации права*». Имплементация международного права необходима в двух плоскостях – в системе международных отношений и в национальной правовой системе государств. Государства в силу принципа добросовестного осуществления международных обязательств обязаны объединять усилия по созданию условий реализации международного права *всеми его субъектами*. В этом случае следует говорить о международном значении имплементации международного права. Вместе с тем каждое государство в силу того же принципа международного права обязано в своей правовой системе создавать необходимые предпосылки осуществления международного права им самим как основным субъектом реализации права. Иными словами, основные условия реализации международного права *фокусируются на внутригосударственной правовой основе действия норм международного права на территории государств* [6, с. 60]. В этом случае следует говорить о внутригосударственном значении имплементации международного права. Считая это значение определяющим, мы остановимся подробнее на понимании имплементации международного права в рамках национальной правовой системы. В развертывании категории «*имплементация международного права*» применительно к национальной правовой системе нужно учитывать ее многоаспектность. Нам видится два основных подхода к пониманию имплементации международного права в зависимости от того, совпадают ли предметы правового регулирования для международного и внутригосударственного права.

В первом случае, когда не совпадают предметы регулирования для международного и внутригосударственного права, следует говорить *об имплементации в смысле расчленения государством своей личности* [7, с. 17-35; 8]. Государство как субъект реализации международного права, представляя собой «*нерасчлененное целое*» [9, с. 57-58], способно будет выполнять свои обязательства по международному праву, *если в нормах права этого государства будут названы государственные органы и должностные лица*, «которые будут обеспечивать на практике выполнение положений конкретного международного правового акта или нормы» [1, с. 157].

Как правило, в этом случае речь идет об имплементации международных договоров *посредством конкретизации органов государственного аппарата и их должностных лиц, ответственных по внутреннему праву за осуществление международных обязательств*.

Во втором случае, при совпадении предметов совместного регулирования внутригосударственного и международного права, имплементация международного права носит более сложный характер. Совпадение предметов правового регулирования требуется тогда, когда, как верно подметил В.В. Гаврилов, в нормах международного права «часто содержатся положения, имеющие конечной целью регулирование не отношений между самими государствами (регулирование отношений между самими государствами является средством для достижения конечной цели), а отношений с участием субъектов национального права» [1, с. 157]. И поэтому на начальной стадии процесса имплементации предполагается *корреспондирование* прав и обязанностей по международному договору и нормам международного права от государств-адресатов к субъектам внутригосударственного права. При наличии общего предмета регулирования («права человека», «защита окружающей среды», «борьба с преступностью» и т. п.) между международным и внутригосударственным правом существует своеобразное *«разделение труда»*. Конечная цель правового регулирования достигается, как правило, не в международной, а в национальной системе, следовательно, реализация права «закрывается» на субъектах внутреннего права. Нормы внутригосударственного права тем самым санкционируют действие международных правовых норм внутри страны. В этом процессе санкционирования возникает вопрос о «самоисполнимых» и «несамоисполнимых» договорах. Оно (это деление) не меняет статуса имплементации, а лишь нацелено на *уточнение содержания имплементации* как разновидности правотворческой деятельности государств. Б.И. Осьминин в анализе многообразных оценок самоисполнимости договорных положений выделил два аспекта понимания «самоисполнимости» (self-execution) международного договора. Для нашего исследования интерес представляют оба аспекта трактовки. «Самоисполнимость» в первом аспекте, по мнению Б.И. Осьминина, «со-

стоит в том, что самоисполнимым считается договор, который обладает способностью стать составной частью национальной правовой системы и, приобретая качества внутригосударственного закона или административного акта, иметь в ней юридическое действие без необходимости дополнительных мер законодательного характера. В этом смысле, – заключает Б.И. Осьминин, – все международные договоры РФ являются самоисполнимыми, так как они автоматически, без необходимости издания дополнительных актов законодательного или административного характера, включаются с момента вступления в силу для Российской Федерации в национальную правовую систему (ч. 1 ст. 15 Конституции)» [10, с. 364]. Не оспаривая в принципе тезис о самоисполнимости договоров РФ в первом аспекте понимания, позволим некоторые замечания. Во-первых, автоматизм включения международных договоров РФ в ее правовую систему нельзя понимать буквально, поскольку он предопределен действием специальной конституционной нормы в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Во-вторых, международный договор, будучи включенным в правовую систему государства, не приобретает, как утверждает Б.И. Осьминин, качества внутригосударственного закона или административного акта и, стало быть, не становится источником внутригосударственного права. Мы полностью разделяем позицию, занимаемую Б.И. Осьминин по трактовке самоисполнимости договоров во втором аспекте: она («самоисполнимость») «связывается прежде всего с тем, способен ли сам договор создать права и обязанности, которые могут быть защищены индивидом непосредственно в суде, или же договорные положения сформулированы таким образом, что подразумевают лишь необходимость принятия государством специального имплементационного законодательства. Такое понимание «самоисполнимости» международного договора обычно обозначается как его «непосредственная применимость» (direct applicability), «прямое действие» (direct effect), под которым понимается способность договора непосредственно регулировать отношения с участием субъектов национального права без необходимости издания государством специального имплементационного законодательства, конкретизирующего договорные положения» [10, с. 7]. Б.И. Осьминин

поднимает в своей монографии принципиальный вопрос о том, какая из взаимодействующих правовых систем (международное или внутригосударственное право) определяет, является ли договорное положение самоисполнимым или нет, и предлагает ответ: «самоисполним ли международный договор (договорное положение) или нет, определяется исходя их содержания договора, но с учетом специфики национальной правовой системы и состояния законодательства каждого государства в конкретной области, т. е. проблема «самоисполнимости» затрагивает как международное, так и внутригосударственное право» [10, с. 367].

Все авторы, обращающиеся к вопросу имплементации международного права, сходятся в признании ее правотворческого характера и увязывают ее назначение с реализацией международного права. Однако по вопросу содержания имплементации как деятельности государства в целях осуществления им своих международно-правовых обязательств в международно-правовой доктрине единства взглядов не наблюдается. Основные расхождения во взглядах прослеживаются в отношении способов имплементации. В двух изданиях академического Курса международного права (в 6-ти и 7-ми томах) названы известные международной практике способы приведения в действие норм международного права и международных договоров на территории государств, а именно: трансформация, инкорпорация, рецепция и отсылка. В доктрине появились исследования, посвященные анализу этих способов на предмет их преимуществ и недостатков [1, с. 141-162]¹. Авторов, сделавших тот или иной способ предметом своих специальных исследований, стали, на наш взгляд, необоснованно именовать сторонниками того или иного способа, обвиняя их в узости взглядов. Наряду с этим имеют место публикации, в которых противопоставляется понимание этих способов понятию имплементации. Так, В.В. Гаврилов, подвергнув критике инкорпорацию, трансформацию, отсылку, сделал следующий вывод: «Большинство из указанных проблем и неточностей довольно успешно преодолеваются в рамках теории имплементации»

[1, с. 155]. Из чего следует, что автор этого высказывания не считает указанные способы приведения в действие норм международного права на территории государства способами имплементации. На наш взгляд, это умозаключение не вполне удачно с точки зрения содержания имплементации, поскольку эта деятельность всегда будет предполагать выбор государством приемлемых, с его точки зрения, способов адаптации, санкционирования действия международного права на своей территории. Можно подвергать критике целесообразность того или иного сделанного государством выбора, но нельзя отрицать, что любой из способов предполагает проявление воли государства на действие международно-правовых норм и международных договоров в сфере его исключительной юрисдикции. Стало быть, любой способ предполагает переход от юридической энергии, исходящей от согласованной воли членов международного сообщества, к юридической энергии, производной от воли отдельного государства.

Разнообразие взглядов на предмет приемлемости того или иного способа имплементации сводится прежде всего к тому, следует ли считать возможным действие на территории государства норм международного права и международных договоров в собственном качестве, а не в качестве норм и источников внутреннего права. Большинство авторов придерживаются точки зрения о том, что международный договор и нормы международного права, даже включенные в правовую систему государства или объявленные им в качестве части права страны, не говоря уже о других способах, не утрачивают своих системных свойств, не преобразуются в порядке имплементации соответственно в источники и нормы внутреннего права [1, 9, 11]. При этом во многих случаях различия во взглядах носят в большей степени терминологический характер. Это прежде всего касается термина «трансформация». Еще в 70-х гг. прошлого столетия В.Г. Буткевич довольно точно назвал трансформацию «формой связи международного и внутригосударственного права» [12, с. 46]. Юридической формой связи международного и внутригосударственного права назвал транс-

¹ Довольно подробному анализу в монографии В.В. Гаврилова подвергались взгляды сторонников того или иного способа, и прежде всего сторонников трансформации (Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко, Н.В. Миронова), а также взгляды тех, кто просто рассматривает эти способы на предмет сохранения при их использовании системной принадлежности норм международного права и международных договоров (Д.А. Гаврилина, Д.Б. Левина, В.М. Аверкова, Д. Раушнинга, Р.А. Мюллерсона, В.Я. Суворовой, И.И. Лукашука и др.)

формацию и Е.Т. Усенко [13, с. 67]. Противники теории трансформации зачастую «не замечают» степени условности этого термина. **Волей государства преобразуется юридическая энергия, а не природа норм международного права и международных договоров.** Подобный вывод должен определять содержание такой правовой категории, как «имплементация международного права», и позволяет, на наш взгляд, согласиться с предложением Е.Т. Усенко о целесообразности объединения всех встречающихся на практике способов имплементации (*рецепции, отсылки, инкорпорации*) термином «трансформация» [13, с. 69-80] при употреблении этого термина, разумеется, с большой долей условности. Е.Т. Усенко, которого часто именуют сторонником трансформации и обвиняют за это в узости воззрений на рассматриваемую проблему, анализируя различные точки зрения по вопросу трансформации, сделал очень важный вывод о том, что «при трансформации международная норма и сам международный договор как акт международного права сохраняются и ни во что не преобразуются» [13, с. 71]. Отталкиваясь от объединяющего характера термина «трансформация», Е.Т. Усенко указывает на то, что «между всеми видами трансформации существует не теоретическое различие, а различие в юридической технике ее реализации» [13, с. 69]. Отмечая практический аспект вопроса, Е.Т. Усенко подчеркивает важность того, чтобы государство обеспечивало выполнение своей международной обязанности (соответственно – использование своего международного правомочия) путем издания, когда это необходимо, соответствующего внутригосударственного акта [13, с. 69]. И совершенно справедливо, на наш взгляд, замечание Е.Т. Усенко о том, что с точки зрения международного права безразлично, какой именно акт примет государство и какую юридическую технику применит [13, с. 69-70]. В этом плане, на наш взгляд, следует согласиться с Е.Т. Усенко в том, что целесообразно говорить о двух разновидностях *одного способа имплементации*, а именно – *генеральной и специальной трансформации* [14].

Генеральная трансформация, как правило, осуществляется в конституционной форме, когда в основном законе государства содержится общая формулировка о включении в правовую систему «общепризнанных норм и прин-

ципов международного права и международных договоров» (как в России) или об объявлении «международного права частью права страны» (как во многих западных государствах: США, Франции, Бельгии, Швеции и др.). Для самоисполнимых договоров подобных конституционных норм достаточно, чтобы субъекты внутреннего права стали адресатами содержащихся в этих договорах норм международного права. Мы уже отмечали, что международный договор, нормы международного права, приведенные в действие таким образом на территории государства, не превращаются в источники и нормы внутригосударственного права, а остаются по-прежнему международным договором, нормой международного права. Не утрачивают свою международно-правовую природу даже те договоры, в которых унифицированы материальные нормы гражданского права государств, при включении их в правовую систему этих государств. Такие договоры специалист в области унификации С.В. Бахин именует *интегральными конвенциями*. Будучи источниками и МП, МЧП, они «не только не содержат обязательства о преобразовании включенных в них предписаний в нормы национального права, но, напротив, прямо указывают на международный характер постановлений, включаемых в состав национального права» [15, с. 31]. Этот вывод С.В. Бахин делает, исходя из следующей посылки: «Унифицированные нормы с самого начала мыслятся и создаются как нормы *прямого действия*. С этой точки зрения *не имеет значения*, – говорит С.В. Бахин, – *признает или не признает то или иное государство непосредственное действие норм международного права в рамках своей правовой системы*. Сам факт присоединения к интегральной конвенции *предполагает обязанность соответствующего государства применять включенные в него нормы в качестве международных, а не внутригосударственных*» (выделено нами. – А.Н.) [15, с. 30-31]. Статус этих договорных норм особый: они, как утверждает С.В. Бахин, «с санкции государства осуществляют регулирующее воздействие в пределах его юрисдикции». «Однако, – подчеркивает С.В. Бахин, – по всем своим характеристикам – порядку создания, изменения, введения в действие, обеспечения осуществления, а главное – толкования – они остаются нормами международного права» [15, с. 31]. Следовательно,

именно *волеизъявлением государства*, объективированным в конституционной норме, *юридическая энергия* придается правилам международного договора, нормам международного права в юрисдикционном пространстве этого государства. Употребив термин «юрисдикционное пространство государства», мы, с одной стороны, хотели обозначить пределы функционирования внутригосударственного права, а с другой – показать, что отсутствует непреодолимая стена между международным и внутригосударственным правом в процессе правового регулирования. Под юрисдикционным пространством государства мы понимаем прежде всего *пространство, в пределах которого государство способно в силу суверенитета осуществлять власть при помощи права*. В этом определении мы пытались идти от уже существующих в нашей доктрине наработок относительно понимания юрисдикции государства. Имеются в виду теоретические выводы С.В. Черниченко о связи юрисдикции государства и его суверенитета, о связи юрисдикции и территории государства, о связи понятий «сфера действия права» [16, с. 112-130], а также выводы другого автора – О.С. Черниченко – по результатам специального исследования о двух аспектах понимания юрисдикции государства – внутригосударственном и международном [17, с. 157, 158, 164; 16, с. 117]. С.В. Черниченко определяет юрисдикцию государства как «определяемую им возможность и допустимость ожидать и требовать исполнения своих велений, также обеспечивать их осуществление с помощью принудительных мер». [16, с. 116]. Целям нашего исследования отвечают высказанные С.В. Черниченко положения о разграничении «сферы юрисдикции государства» и «сферы осуществления права», «сферы действия права» [16, с. 114]. Определяемая С.В. Черниченко «сфера действия права» по существу означает на общетеоретическом языке чаще встречающийся термин «сфера правового регулирования» [16, с. 114], т. е. по сути это *область общественных отношений, которые могут и должны в силу необходимости и волеизъявления государства подпадать под правовое регулирование*. Под сферой юрисдикции государства С.В. Черниченко понимает «область, в пределах которой государство считает возможным и допустимым ожидать, требовать и добиваться (обеспечивать) осуществ-

ления своих правовых велений (предписаний и запретов)», а сферу осуществления права определяет как область реализации действующего права, т. е. всей системы действующих предписаний, дозволений и запретов, выраженных в общей, нормативной или индивидуальной форме, область «приложения» права к реально возникающим общественным отношениям. При этом отмечается несовпадение этих сфер. Делается очень важный вывод, имеющий непреходящее значение для понимания категорий «*имплементация международного права*» и «*реализация международного права*», о том, что «процесс реализации права частично протекает в сфере юрисдикции» [16, с. 116-117]. Этот вывод можно проецировать и на понимание международного юрисдикционного пространства. Суммарно взгляды западных юристов, приведенные О.С. Черниченко, видятся нам следующим образом: а) *юрисдикция государства в узком смысле как полномочия рассматривать юридические дела и выносить по ним решения*; б) *юрисдикция государства в широком смысле как «территориальный предел ведения», как территориальная сфера «деятельности со стороны государственной власти»* [16, с. 156-180]. Понимание юрисдикции государства как некоего пространства, т. е. в широком смысле, позволяет нам рассматривать предел действия права этого государства, за которым начинается сфера действия международного права. Обозначив этот *предел, эти границы действия внутригосударственного права*, можно «вспомнить» и о понимании юрисдикции государства в узком смысле, выходя на вопросы осуществления права в юрисдикционном пространстве государства. *Государство, единожды включив на основе конституционной нормы международные договоры с его участием и общепризнанные принципы и нормы международного права в свою правовую систему, уже не может их исключить из нее произвольно, не иначе как отменив эту конституционную норму. И это государство способно сделать, находясь всецело в своем юрисдикционном пространстве*. В отношении международного договора допустим еще один вариант исключения его из правовой системы государства – *денонсация международного договора*. При использовании этого варианта, т. е. при денонсации международного договора, *государство обязано следовать*

правилам, сложившимся в международной системе, вне рамок юрисдикции этого государства.

Специальная трансформация необходима применительно к имплементации несамоисполнимых договоров, когда требуется конкретизация (детализация) уже **не по субъектам (адресатам)**, а по содержанию норм международного права и международных договоров применительно к определенной национальной системе. Она осуществляется через обновление действующего в государстве законодательства посредством издания нормативно-правовых актов, устанавливающих новые нормы внутреннего права либо вносящих в действующие законодательные акты дополнения и изменения. Эти акты следует именовать имплементирующими актами. Следовательно, в отличие от генеральной трансформации **специальная трансформация предполагает опосредованный характер** действия норм международного права и международных договоров при большей степени их детализации. **Специальная трансформация не заменяет генеральную, а дополняет ее.** Отмена государством имплементирующего акта не исключает действия генеральной трансформации, т. е. соответствующие нормы международного права и международные договоры остаются имплементированными в национальную правовую систему. Однако отсутствие специальных имплементирующих актов неизбежно скажется на реализации международного права этим государством, поскольку, будучи включенными в национальную правовую систему, нормы и принципы международного права, содержащиеся в несамоисполнимых международных договорах, не могут быть применены в силу отсутствия необходимых для этого структурных элементов. Общеправовая категория «реализация права» на сегодняшний день фиксирует основное знание о том, что реализация права происходит всегда через осуществление норм права ее адресатами, хотя и не сводится лишь к этому. Но как бы то ни было, любая норма права, представляя собой некий, по выражению А.М. Васильева, абстрактный «алгоритм» в деятельности участников регулируемого отношения, осуществляется лишь тогда, когда субъекты этих отношений исполняют, используют, соблюдают права и обязанности, закрепленные в диспозиции нормы при наличии необходимых обстоятельств, предусмотренных в гипотезе, и под воз-

действием предполагаемых мер неблагоприятного характера на случай нарушения этого правила, предусмотренных в санкции. Следовательно, при рассмотрении вопроса осуществления той или иной нормы права необходимо воспринимать эту норму права в единстве всех ее структурных элементов – гипотезы, диспозиции и санкции. Отсутствие в международных договорах правил с набором всех этих структурных элементов делает невозможным осуществление норм международного права без соответствующей детализации во внутреннем праве.

Итак, все вышесказанное о необходимости имплементации и ее особенностях позволяет сделать следующие выводы:

1. Имплементация международного права **есть необходимая правовая предпосылка реализации международного права во всех случаях, а не только при совпадении предметов регулирования международного и внутригосударственного права.**

2. Категория «имплементация международного права» не охватывает все вопросы реализации международного права, и поэтому категория «реализация права» является самостоятельной правовой категорией. Соотношение этих двух категорий таково, что «реализация права» является правовой категорией основного понятийного ряда в системе правовых категорий, раскрывающих сущность права, как внутригосударственного, так и международного. «Имплементация международного права» как правовая категория носит вспомогательный характер. Она непосредственно не отражает сущности обеих правовых систем, **впрямую от сущности права не зависит и несет в себе лишь синтез знаний по вопросам юридической техники.** Категория «имплементация» в отличие от категории «реализация права» также не отражает впрямую отпечаток существующего противоречия между международным и внутригосударственным правом, но является составным элементом этого противоречия (антиномии).

3. Споры по вопросу приемлемости тех или иных способов имплементации следует сводить к ответу на два вопроса: о том, **в силу чего нормы международного права начинают действовать на территории государства, и в каком качестве они действуют на территории государства и применяются.** Разумеется, действовать они начинают, будучи опосредованными актом внут-

*ригосударственного права, как бы этот акт во-
леизъявления ни именовали; при этом в любом
случае именно этим актом придается юридичес-*

*кая энергия внутреннего права нормам между-
народного права, не утрачивая системной при-
надлежности к международному праву.*

14.01.2011

Список литературы:

1. Гаврилов, В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем [Текст] / В.В. Гаврилов. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2005.
2. Курдюков, Г.И. О методологии соотношения государства и международного права // Методология исследования теоретических проблем международного права [Текст] / Г.И. Курдюков. – Казань, Казанский университет, 1986.
3. О содержании правореализующей деятельности государства как субъекта реализации международного права см.: Афоничкина, Н. Правореализующая деятельность государства в свете юбилея ООН, соотношения международного и внутригосударственного права применительно к проблеме защиты общечеловеческих ценностей [Текст] / Н.В. Афоничкина // Современные проблемы законотворческой и правоприменительной деятельности по защите общечеловеческих ценностей. Ученые записки. Выпуск 3. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006.
4. Гавердовский, А.С. Имплементация норм международного права [Текст] / А.С. Гавердовский. – Киев: Вища школа, 1980.
5. На вспомогательный характер имплементации по отношению к реализации указывает и Е.Е. Амплиева. См.: Амплиева, Е.Е. Международное право [Текст]: Учебное пособие / Е.Е. Амплиева. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2002.
6. Об обеспечении правовых предпосылок подобного рода говорит и Г.В. Игнатенко. См.: Игнатенко, Г.В. Новые кодексы Российской Федерации: Опыт комплексной международно-правовой экспертизы [Текст] / Российский ежегодник международного права 2003. СПб.: Россия-Нева, – 2003.
7. О понимании личности государства см.: Черниченко, С.В. Теория международного права [Текст] / С.В. Черниченко. – М.: Нимп, 1999.
8. Черниченко, С.В. Государство как личность, субъект международного права, носитель суверенитета [Текст] / С.В. Черниченко // Российский ежегодник 1993-94. – СПб.: Россия-Нева, – 1995.
9. Именно так обозначил понимание субъектов международного права Р.А. Мюллерсон. См.: Мюллерсон, Р.А. Соотношение международного и национального права [Текст] / Р.А. Мюллерсон – М.: Юрид. Литература, 1982.
10. Осминин, Б.И. Принятие и реализация международных договорных обязательств [Текст] / Б.И. Осминин. – М.: Волтерс Клувер – 2006. С. 364.
11. Марочкин, С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ [Текст] / С.Ю. Марочкин // Российский ежегодник международного права 2003. – СПб.: Россия-Нева, 2003 и др.
12. Буткевич, Б.Г. Советское право и международный договор [Текст] / В.Г. Буткевич. – Киев: Вища школа, 1977.
13. Усенко, Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права [Текст] / Е.Т. Усенко // Советский ежегодник международного права 1977. – М.: Наука, 1979.
14. Усенко, Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция / Е.Т. Усенко // Московский журнал международного права. 1995. №2.
15. Бахин, С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права) [Текст]: Автореф. дисс.... докт. юрид. наук. СПб., 2003.
16. Черниченко, С.В. Теория международного права. Т. 2. [Текст] / С.В. Черниченко. – М.: Нимп, 1999. – С. 112-130.
17. Черниченко, О.С. Общая характеристика юрисдикции государства в сфере межгосударственных отношений [Текст] / О.С. Черниченко // Российский ежегодник международного права 2002. – СПб.: Россия-Нева, 2002.

Сведения об авторе: **Афоничкина Нелли Васильевна**, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук
460048, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, e-mail: afonnn@mail.ru

UDC 340.11, 340.12, 34.01, 340.115

Afonichkina N.V.

THEORETICAL QUESTIONS OF UNDERSTANDING THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL FRAMEWORK

The article raises the important theoretical questions, which refer to the content of two common law categories – «enforcement of the right» and «the implementation of international law». Alongside, a thesis about a fundamental difference in the content of these categories is explained, and multidimensionality of the content of category «implementation of international law» is emphasized.

The key words: interaction of international and national the legal framework, solidary law regulation, enforcement of the right activity of states, jurisdictional space, state sanctioning of the action of the standards of international law, enforcement of the right and the implementation of international law.